

СЕРЫЙ КОРОЛЬ

НИКА СВЕТЛОВА

Ника Светлова

Серый король

«Автор»

2026

Светлова Н.

Серый король / Н. Светлова — «Автор», 2026

Эйдан - полубог. Каждое утро он проверяет свои руки. Не почернели ли ногти, не вытянулись ли кости, не проступила ли чешуя. Пока чисто. Пока. Его отец, царь Серого Города, двадцать лет пил яд, чтобы сдержать мутацию. Теперь яд убивает его быстрее, чем проклятие. У Эйдона три дня, чтобы выбрать: принести отцу яд, взять нож или собирать вещи. Он выбирает четвёртый путь.

© Светлова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Запах серых лепёшек	5
Глава 2: Город свинца и теней	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ника Светлова

Серый король

Глава 1: Запах серых лепёшек

Дороги этого мира помнят всё. Каждая кость, каждый камень, каждая капля ихора, пролитая за десять тысяч лет, впитана в землю. Мы идём по мёртвым, не зная их имён. Но они знают наши. Они шепчут их в такт шагам.

Когда-то боги ходили по этой земле, и земля стонала под их весом. Теперь по ней ходим мы — полукровки, рождённые из их гниющей крови. Мы не боги. Мы даже не люди. Мы — то, что осталось, когда небо упало.

И я, пишущий эти строки, — худшее из нас.

Запах серых лепёшек вьёлся в одежду, в кожу, в сами кости. Я ненавидел этот кислый, пресный запах, похожий на мокрую глину, смешанную с золой. От него тошнило по утрам, и он снился мне по ночам. Но другого завтрака у нас не было.

У полубогов не бывает утра с мёдом и свежим хлебом. У полубогов бывает только голод и лепёшки из грибов, выросших на костях богов.

Я сидел на краю кровати и смотрел на свои руки. Они были человеческими. Пока что.

Каждое утро я проверял одно и то же. Кожа под ногтями не потемнела? Кости на пальцах не вытянулись? Нет ли чешуи на запястьях, не проступили ли бугорки на суставах, не стал ли ноготь твёрже, чем должен быть?

Пока было чисто.

Я вдохнул, разжал кулаки, снова сжал. Пальцы слушались. Суставы не хрустели. Я смотрел на свои руки так, как смотрит узник на стены камеры, с надеждой, что они ещё стоят, и со страхом, что вот-вот рухнут.

— Господин.

Я не услышал, как он вошёл. Слуги в нашем дворце умели двигаться бесшумно, их выживание зависело от умения не попадаться на глаза.

В дверях стоял маленький, сгорбленный старик, с сединой на висках и дрожащими руками. Обычный смертный, который имел несчастье родиться в городе полубогов. Я так и не запомнил его имени за все годы. Зачем, если завтра его может не быть?

— Царь ждёт вас в тронном зале, — сказал он.

— Скажи, что я приду через час.

Слуга побледнел. Я видел, как его пальцы стиснули край туники.

— Он сказал, что ждать не будет, господин. — Голос старика дрогнул. — Он... он приказал передать, что сегодня у него хорошее утро.

Хорошее утро.

Это значило, что отец ещё может говорить связно. Что его язык ещё не превратился в камень. Что его мысли ещё текут по руслу человеческого разума, а не блуждают в лабиринтах мутации.

Я отложил лепёшку. Аппетит пропал.

— Хорошо, — сказал я. — Иди.

Слуга исчез быстрее, чем я успел договорить. Его шаги прошелестели по каменному полу и стихли за поворотом коридора.

Я остался один.

В свинцовом зеркале на стене отражался парень семнадцати лет. Чёрные волосы, слишком длинные, падают на глаза. Серые глаза — цвет свинца, цвет нашего города, цвет всего, что меня окружало. Лицо худое, скулы острые, губы сжаты в тонкую линию.

В этом лице ещё читался страх. Это было человеческое лицо.

Я надеялся, что оно останется таким до конца дня.

Тронный зал нашего дворца пах окаменевшим ихором.

Это был запах, который невозможно забыть. Металлический, тяжёлый, он оседал в лёгких, как свинцовая пыль, и оставался там навсегда. Стены зала были покрыты серым налётом от каменной крови мёртвых богов, которая сочилась сквозь камни от постоянного присутствия моего отца. Местами налёт образовывал причудливые узоры, похожие на застывших змей. Местами на лица. Мне всегда казалось, что эти лица смотрят на меня. И осуждают.

Отец сидел на троне.

Или, точнее, его костный доспех сидел на троне. Сам отец уже давно не мог его снять.

Белые, как слоновая кость, пластины покрывали его тело от шеи до пят, нарастая слоями, как годовые кольца на дереве. Доспех был живым, я видел, как он медленно пульсирует, словно под костью течёт что-то, чему не место в этом мире. Отец называл его «вторая кожа». Слуги шептались, что это не кожа, а тюрьма.

Открытым оставалось только лицо. Но и лицо уже менялось. Скулы заострились, кожа натянулась на костях, как пергамент на барабане, а глаза светились тусклым синим светом. В темноте они горели, как два умирающих фонаря.

Он улыбнулся, когда я вошёл. Улыбка вышла кривой, мышцы плохо слушались, и половина лица отстала от второй.

— Сын, — сказал он.

Голос его звучал как скрежет камней.

— Подойди.

Я подошёл. Встал перед троном, на расстоянии вытянутой руки. Я знал, что сейчас будет. Каждое утро один и тот же разговор. Проверка на мутацию.

— Покажи руки, — сказал он.

Я протянул ладони. Он наклонился вперёд, и я увидел, как его доспех скрипнул. Пластины тёрлись друг о друга, издавая звук, похожий на скрежет ножа по кости.

Он смотрел на мои руки долго. Я чувствовал, как его синие глаза прожигают кожу насквозь, как он ищет признаки, которых я мог не заметить.

— Чисто, — сказал он наконец. — Пока что.

Он откинулся на спинку трона и поднял свои руки. Его пальцы были сросшимися, кость покрывала их целиком, от ногтей до запястий, и двигались они с трудом, как несмазанные шарниры.

— Сегодня хороший день, — сказал он. — Я ещё могу шевелить пальцами. Вот, смотри.

Он согнул указательный палец. Потом средний. Потом мизинец. Каждое движение давалось с видимым усилием, но он улыбался, как ребёнок, который впервые научился ходить.

— Да, отец, — сказал я.

Он перестал улыбаться. Его глаза остановились на мне, и я почувствовал, как в зале стало холоднее.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвал? — спросил он.

— Чтобы проверить меня.

— Нет. — Он покачал головой. — Чтобы попрощаться.

Сердце пропустило удар. Я замер, не донеся дыхание до конца. Отец никогда не говорил таких слов. Он был из тех людей, которые не прощаются, они просто уходят и не возвращаются.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, хотя уже знал ответ. Я чувствовал его в воздухе, в запахе ихора, в синем свете его глаз.

Он поднял руку и с трудом расстегнул ворот туники. Пуговицы не слушались, пальцы не гнулись как следует, и он просто рванул ткань, обнажая грудь.

Там, под слоем костяного доспеха, я увидел чёрные пятна. Они расплзались по коже, как нефтяные разводы, и в их центре кожа отслаивалась, обнажая кость.

— Моя печень, — сказал он спокойно, как будто речь шла о погоде. — Это свинцовый слиток. Уже два месяца.

— Почему ты не сказал? — спросил я.

— А что бы это изменило? — он посмотрел на меня с усталостью, которая была глубже, чем любые слова. — Я пил Кровь-цепь двадцать лет, Эйдан. Двадцать лет я травил себя ядом, который должен был замедлить мутацию. Но у любого яда есть предел. Сегодня я проснулся и понял, если я выпью ещё одну дозу, я умру через неделю.

— А если не выпьешь?

Он замолчал. Его глаза на мгновение погасли, как будто он заглянул внутрь себя и увидел что-то, о чём не хотел говорить.

— Если я не выпью, — сказал он наконец, — то через три дня я перейду в Стадию 3. Полностью. Я стану горой, Эйдан. Вечной, неподвижной горой из кости и камня. Я буду защищать эту землю вечно, как защищали её мои предки. Но я больше не узнаю тебя, сын. Я не узнаю никого.

Я молчал. Я смотрел на его руки, которые уже начинали чернеть у запястий. На его глаза, которые тускнели с каждым днём, как фонари, в которых заканчивается масло. На его лицо, которое всё ещё было лицом моего отца, но уже носило печать чего-то чужого.

— Я приготовил тебе выбор, — продолжил он.

Он наклонился, и из-под сиденья трона извлёк три предмета. Положил их передо мной на каменный пол. Они лежали между нами, как три дороги, и каждая вела в темноту.

Первая вещь — фиал с тёмно-синей жидкостью. Кровь-цепь. Яд, который поддерживал его жизнь двадцать лет. Жидкость была густой, как ртуть, и в её глубине плавали серебристые нити — остаточный икор, очищенный и смешанный с алхимическими составами.

— Ты можешь принести мне эту дрянь, — сказал он. — И я умру человеком. Не монстром, не горой, не статуей. Человеком. Ты станешь царём, как положено, и будешь пить это до конца своих дней, как делали все мои предки. Это правильный путь. Проверенный. Надёжный.

Он помолчал.

— Но это путь труса.

Вторая вещь — нож. Обелисковый клинок из чёрного камня, на котором умирали боги. Лезвие было настолько тёмным, что, казалось, поглощало свет. Я знал этот нож с детства. Он лежал в сокровищнице, и отец никогда не брал его в руки. Говорил, что этот нож знает вкус ихора, и его не стоит будить без нужды.

— Ты можешь взять этот нож, — продолжал он, — и отрубить мне голову, пока я ещё помню, что я твой отец. Пока я ещё могу сказать тебе, что люблю тебя. Это честный путь. Ты убьёшь монстра, и народ будет тебя славить. Никто не узнает, что это сделал мой собственный сын.

Он улыбнулся кривой улыбкой.

— Но мы оба знаем, что ты не сможешь.

Третья вещь — пустая фляга. Обычная, из серого металла, со следами чьих-то зубов на горлышке.

— Ты можешь собрать вещи, — голос его стал тише, — и уйти в город. Найти алхимика, который делает Желчь разложения. Травить меня, как бешеную собаку. Подсыпать в еду, в

воду, в вино. Никто не узнает, что это сделал ты. Ты будешь править тенью из-за спин. Это трусливый путь, но многие выбирают его.

Он замолчал и посмотрел на меня. В его синих глазах я увидел не только усталость. Я увидел любовь. И отчаяние.

— Выбирай, сын.

Я смотрел на три предмета. Фиал. Нож. Фляга. Три дороги, и все вели к смерти. К его смерти и, возможно, к моей.

Я стоял молча, чувствуя, как тишина в зале сгущается, как ихор на стенах. Потом я поднял голову и посмотрел отцу в глаза.

— Я выберу четвёртый вариант, — сказал я.

Отец поднял бровь. Она почти не шевельнулась, мышцы лица уже не слушались его как следует.

— Четвёртый вариант? — переспросил он. — Нет четвёртого варианта.

— Есть. — Я сжал кулаки. — Я найду лекарство. Я найду способ убить мутацию внутри нас. И тебя тоже.

Отец рассмеялся.

Впервые за много лет я слышал его настоящий смех искренний, рвущийся из глубины груди. Он звучал как сухой кашель, который разрывал ему горло. Он смеялся долго, и с каждым звуком его смеха внутри меня что-то сжималось.

— Сынок, — сказал он, когда отсмеялся. По его щеке скатилась чёрная слеза с примесью ихора. — Люди искали это лекарство тысячу лет. Тысячу лет, Эйдан. Алхимики, мудрецы, цари, пророки. Они все сгнили, или окаменели, или сошли с ума. Его нет.

— Может быть, они искали не там, — сказал я.

— Или может быть, его вообще не существует. — Отец покачал головой. — Но ты хотя бы попытаешься. И за это я тебя уважаю.

Он махнул рукой, и я понял, что аудиенция окончена. Я повернулся, чтобы уйти, но его голос остановил меня.

— Эйдан.

Я обернулся.

— Посмотри туда. — Он кивнул в сторону двери за тронном. — Там подвал. Открой.

Я подошёл к тяжёлой свинцовой двери. Она была покрыта старыми рунами, выцарапанными чьими-то когтями. Я толкнул её, и она открылась с протяжным скрипом, который прокатился по тронному залу, как стон.

За дверью была сырая, тёмная комната, пахнувшая могилой.

В ней стояли семь каменных статуй.

Каждая была похожа на человека — с руками, ногами, лицами. Но каждая была сделана из серого ихора, застывшего, как камень. Статуи стояли кругом, обращённые лицами к центру, и их пустые глаза смотрели в одну точку. Их рты были открыты в безмолвном крике.

Я смотрел на них и чувствовал, как холод поднимается от пола, проникает в ноги, ползёт по позвоночнику.

— Это мои предки, — сказал отец из-за спины. Голос его звучал глухо, как из-под земли. — Семь царей, которые не нашли лекарства. Семь полубогов, которые не смогли справиться с мутацией. Каждый из них превратился в монстра. Каждый был убит своим сыном или братом.

Он замолчал. Я слышал его тяжёлое дыхание за спиной.

— Я — восьмой, — сказал он. — Ты должен быть девятым.

Я смотрел на статуи. Семь лиц, застывших в вечном ужасе. Семь ртов, открытых в крике, который никто не слышал. Семь пар пустых глаз, которые все ещё смотрели.

Я представил, что отец стоит среди них. Восьмой.

Потом представил себя. Девятого.

И почувствовал, как внутри что-то обрывается.

— Я не стану девятым, — сказал я. — Я найду лекарство.

Отец не ответил. Он просто смотрел на меня своими тускнеющими глазами. Я развернулся и пошёл к выходу из подвала, мимо статуй, мимо их безмолвных криков.

У самой двери я остановился и посмотрел на отца в последний раз. Он стоял в кругу своих предков, уже наполовину ставший одним из них.

— Прощай, — сказал я.

— Не прощайся, — ответил он. — Ещё увидимся.

Я вышел из дворца и направился в город. Мне нужно было найти Корвина.

Глава 2: Город свинца и теней

Серый Город заслуживал своё название.

Он был серым от свинца. Стены домов, мостовые, крыши, водосточные трубы, даже заборы на кладбище — всё было сделано из свинцовых блоков, добытых в шахтах на востоке. Свинец блокировал ихор — это было единственное, что мы знали о нём наверняка. Внутри свинцовых стен полубоги чувствовали себя слабее. Почти как люди.

Поэтому я любил гулять по городу.

Здесь, среди узких улочек и серых фасадов, мутация отступала. Она не исчезала полностью, она никогда не исчезала полностью, но затихала, как зверь, уснувший в норе. Я мог дышать полной грудью, не чувствуя, как что-то внутри меня рвётся наружу. Я мог ходить по мостовой, и мои кости не ныли при каждом шаге. Я мог быть почти человеком.

Почти.

Я вышел из дворца через восточные ворота и направился к площади Старого Рынка. Утренний туман стелился по земле, смешиваясь с дымом из печных труб. Запах лепёшек преследовал меня до сих пор, он въелся в одежду, и я не мог от него избавиться.

Люди встречались редко. Они жались к стенам, опускали глаза, ускоряли шаг. Они знали кто я. Они знали, что во мне течёт та же кровь, что и в их царе. И они боялись.

Иногда я ловил их взгляды. В них было не только отвращение. Была и зависть. Полубоги — мы были прокляты, но мы были и сильны. Смертные ненавидели нас и боялись. Потому что знали, если полубог потеряет контроль, смертному не спасёт никакая свинцовая стена.

Лавка Корвина находилась на северной стороне площади между мясной лавкой и домом ростовщика. Это было невысокое здание с обшарпанной вывеской, на которой кто-то нацарапал: «Алхимия и зелья. Индивидуальный подход». Под надписью красовалась приписка, сделанная другой рукой: «Скидки для смертников».

Я толкнул дверь. Она скрипнула, и колокольчик над притолокой издал жалобный звон.

Внутри пахло ихором, спиртом и чем-то сладковатым, тошнотворным, как гниющие цветы. Колбы и пробирки заполняли полки от пола до потолка, и в каждой булькала или тлела какая-нибудь дрянь. Одни жидкости светились, другие пузырились, третьи медленно меняли цвет, переливаясь всеми оттенками серого.

Корвин сидел за столом в глубине лавки. Его руки, покрытые ожогами, держали стеклянную колбу, внутри которой что-то тихо шипело.

— Эйдан, — он поднял голову и улыбнулся. Улыбка вышла усталой. — Ты бледный. Опять плохо спал?

— Три дня, — сказал я без предисловий. — Отец переходит в Стадию 3 через три дня.

Улыбка сползла с лица Корвина. Он осторожно поставил колбу на стол, вытер руки о фартук и подошёл ко мне.

— Ты уверен? — спросил он.

— Он показал мне свою грудь. Свинцовая печень. Чёрные пятна по всему телу.

— Ингибиторы не помогают?

— Он больше не может их пить. Или ингибиторы убьют его, или мутация. Выбор один.

Корвин помолчал. Он потер лицо ладонью, которая была меньше повреждена, и я увидел, как его пальцы дрожат.

— Иди за мной, — сказал он.

Он провёл меня в заднюю комнату. Там было ещё темнее и ещё грязнее. Вдоль стен стояли ящики с корнями, травами и какими-то заспиртованными органами. На столе среди груды

склянок лежала раскрытая книга. Страницы были покрыты мелким почерком и пометками на полях.

— Я изучаю ихор пятнадцать лет, — сказал Корвин, не глядя на меня. — С тех пор как моя сестра начала мутировать. И я знаю только одно, мутация — это не болезнь. Это... изменение. Переход. Вопрос только в том во что ты переходишь.

— Ты нашёл что-нибудь? — спросил я.

— Нет. — Он покачал головой. — Но есть человек. В Болотах. Говорят, он знает больше всех нас вместе взятых.

— Кто он?

— Безумный. — Корвин посмотрел на меня. В его глазах было что-то похожее на страх. — Его настоящее имя никто не помнит. Он живёт в Гнилом Городе и ставит опыты на полубогах. Говорят, он нашёл способ очищать кровь от ихора. Но никто не знает какую цену он за это берёт.

— Я заплачу любую цену, — сказал я.

Корвин смотрел на меня долго. Потом вздохнул и отвернулся.

— Ты так не думаешь, — сказал он. — Но я пойду с тобой. Я не могу отпустить тебя одного.

Он направился к выходу, но на полпути остановился. Его спина напряглась.

— Эйдан, — сказал он, не оборачиваясь. — Покажи мне свои руки. Просто покажи.

— Я уже показывал. Утром. Чисто.

— Покажи ещё раз.

Я вздохнул и протянул руку. Корвин повернулся, взял мою ладонь, перевернул её вверх. Его пальцы, холодные и сухие, пробежались по моей коже. Он посмотрел на ногти.

И его лицо побелело.

— Что? — спросил я. — Что там?

Он молчал. Слишком долго.

— Корвин.

— Эйдан, — голос его дрогнул. — У тебя началась Стадия 2.

Я вырвал руку и уставился на ногти.

Там, под ногтем указательного пальца, была тонкая чёрная линия. Почти незаметная. Но она была там.

Я почувствовал, как в животе холодеет. Холод поднялся к груди, сжал горло.

— Нет, — сказал я. — Я проверял утром. Её не было.

— Она появилась сейчас. — Корвин взял меня за плечи. — Ты чувствуешь голод?

Я молчал.

Но я чувствовал.

Тянущий, ноющий голод в глубине живота, словно там ворочался клубок червей. Голод, который не имел ничего общего с едой. Он был глубже, темнее, страшнее. Моя слюна стала вязкой и солёной, как будто я уже попробовал что-то чего не должен был пробовать.

— Это начинается, — сказал Корвин. — У тебя нет трёх дней, Эйдан. У тебя меньше.

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул. Страх накатывал волной, но я не мог позволить ему захватить меня. Если я поддамся сейчас, если я позволю панике взять верх, мутация только ускорится. Это я знал из рассказов отца. Из его предостережений.

— Мы уходим сегодня, — сказал я, открывая глаза. — Собирай вещи.

— Мы не успеем добраться до Болот за один день, — сказал Корвин. — Это неделя пути.

— Тогда мы будем идти неделю. — Я сжал кулаки. — Я не превращусь в монстра. Я этого не допущу.

Мы вышли из лавки и направились к городским воротам. Я хотел уйти как можно быстрее, до того, как отец заметит, что меня нет. Но мы не дошли.

У ворот нас встретили двое.

Они стояли в тени свинцовых стен, и я не заметил их сразу. Но когда я подошёл ближе, я увидел знакомые доспехи. Чёрные, с костяными вставками. Железный Трон.

— Принц Эйдан, — сказал один из них. Голос его был глухим, как из бочки. — Нам сказали, что ты покинешь город сегодня.

— Кто сказал? — спросил я, сжимая рукоять меча.

— Наш царь. — Второй убийца обнажил клинок из кости. — Тиберий приказал не дать тебе уйти. Он сказал, что если ты уйдёшь, ты найдёшь лекарство. А это ослабит его власть.

— Я не ишу лекарство для всех, — сказал я. — Только для себя и отца.

— Неважно, — убийца шагнул вперёд. — Тиберий сказал: «Убейте его». Мы всегда слушаем царя.

Я хотел обнажить меч, но не успел. Убийца напал первым. Его клинок из кости со свистом рассек воздух, и я едва увернулся. Край лезвия задел мою щёку, и я почувствовал, как по коже потекла тёплая кровь.

Второй убийца зашёл сбоку. Я увидел его занесённую руку, блеск костяного лезвия, и понял, что не успею.

Я был медленным. Слишком медленным.

И тогда я почувствовал голод.

Тянущий, дикий голод, который поднимался из глубины живота, захватывая грудь, горло, голову. Я перестал думать. Я перестал чувствовать страх. Остался только голод.

Моя правая рука дернулась. Я услышал хруст — это ломались мои кости, выходя наружу. Хруст был влажным, чавкающим, как когда ломаешь сырую ветку. Кожа на пальцах лопнула с тихим треском, и из-под неё показались чёрные когти. Кости предплечья вытянулись, превращаясь в длинный, острый клинок, покрытый чёрным ихором.

Я не контролировал это. Это произошло само.

Первый убийца замахнулся. Я ударил его своей новой рукой. Костяной клинок пронзил его грудь насквозь, пробил доспех и вышел из спины. Убийца застыл, открыв рот, и упал. Его кровь хлынула на мостовую, и я почувствовал её запах. Такой притягательный.

Второй убийца закричал и бросился на меня. Я не думал. Я просто хотел есть.

Рука превратилась в когтистую лапу. Я схватил убийцу за горло, сжал, и его шея хрустнула, как сухая ветка. Я держал его тело, смотрел в его мертвые глаза и чувствовал, как голод внутри меня утихает.

И тут я понял, что я сделал.

Я отпустил тело. Оно упало в грязь. Я смотрел на свою чёрную, когтистую руку, покрытую ихором. Она медленно превращалась обратно. Кости втягивались внутрь, кожа затягивалась, и через минуту передо мной была обычная человеческая рука.

Но я знал, что это не навсегда. Я чувствовал, как мутация спит внутри меня, ждёт своего часа.

Корвин подошёл ко мне. Он смотрел на мёртвых убийц, потом на меня.

— Ты убил их, — сказал он.

— Я знаю, — ответил я.

Он посмотрел на мою руку. На мгновение его лицо исказилось, но не от отвращения. От страха.

— Эйдан, — сказал он тихо. — Тебе понравилось.

Я молчал. Он был прав.

Мне понравилось.

Мы вышли из города через западные ворота, пока никто не заметил. Я оставил записку отцу. Я написал её на свинцовой пластине, чтобы он мог её прочитать без риска заражения.

«Отец. Я ухожу. Я не вернусь пока не найду лекарство. Если я не вернусь через месяц, пришли за мной Орден. Или убей меня сам, как обещал. Я не хочу стать девятой статуей. Ты научил меня бояться монстров. Я не хочу стать тем, чего я боюсь. Прощай».

Корвин ждал меня у ворот. У него за плечами был мешок с зельями, колбами и припасами. Он хмуро смотрел на дорогу, уходящую в темноту.

— Мы идём на юг, — сказал он. — Через Железный Трон. Это опасно. Тиберий уже послал убийц.

— Мы можем пойти через Стеклянную Пустыню, — предложил я.

— Там жарко, — покачал головой Корвин. — Мы не пройдем без воды. Только через Железный Трон.

Я посмотрел на дорогу. Она была чёрной, покрытой пылью из костей.

— Тогда идём через Железный Трон, — сказал я. — И, если Тиберий пошлёт ещё убийц, я встречу их.

Корвин усмехнулся.

— Ты вчера не мог поднять меч, — сказал он. — А сегодня уже готов сражаться с армией.

— Я вчера не знал, что внутри меня, — ответил я.

Я посмотрел на свои руки. На мгновение мне показалось, что под ногтями снова выступила чёрная линия. Но это был просто песок.

Мы пошли по дороге в темноту. Луна светила сквозь тучи, и тени на земле двигались, как живые.

Я знал, что внутри меня проснулось что-то огромное. И если я не найду лекарство, это что-то поглотит меня целиком.

Но пока я ещё был человеком.

Хотя бы сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.